

Михаил Фонов

РОДНАЯ СТАРИНА

Очерки истории Южного Урала

Издательство Игоря Розина

Родная старина Михаила Фонотова

(об этой книге и ее авторе)

Если спросить жителей Челябинской области где-нибудь в Москве, на Черном море или в Египте, уже почти что родном для русского отдыхающего, а чем интересно то место, откуда они прибыли, то они, рассказывая о нашем крае, вполне возможно не вспомнив об авторе, перескажут то, что написал М. С. Фонов.

И я бы не стал этому сильно удивляться. Потому что Михаил Фонов прежде всего **популяризатор**, человек, непосредственно обращающийся через газету и свои книжки к самой широкой читательской аудитории. Он далек от «птичьего» наукообразного языка, от актуальных тем, имеющих «большое народнохозяйственное значение», от декларированного добросовестного и всеобъемлющего восстановления исторической правды и много еще от чего. У него другая задача – доступно объяснить местному обывателю, кто он и что он: где живет, кто жил здесь до него, чем интересна природа и история Южного Урала... И объяснить не скучно и нудно, а ярко и «вкусно». Чтобы прочитав о чем-нибудь, для себя не первоочередном и далеком, его читатель запомнил прочитанное на всю жизнь и захотел узнать про это еще что-либо.

Фонов не географ, не историк, не краевед, по профессии он – журналист, а по сути своей **писатель**. Это чувствуется по художественному подходу к используемой им информации, по тому, как он строит свои тексты, по языку, который изобилует парадоксальными, яркими фразами («Гумбейка – река мамонтов»,

«яшма старше Уральских гор»). Читая написанное им, порой чувствуешь, как автор, перебирая слова словно чётки, любитесь ими. И вслед за ним испытываешь от этих слов удовольствие. Порой же ловишь себя на мысли, что автором каких-то фраз Фонотова вполне мог быть писатель – путешественник XIX века, например Даниил Мордовцев. Как вам, например, такая фраза: «В этих местах Урал живописен по-своему. Здесь он еще не проникся хребтовой суровостью и поднебесной скалистостью»?

Михаил Фонов много читает и путешествует, это и есть главный источник его произведений. Для него публикуемые материалы – часть его личной жизни, поэтому в них живет то, что ему дорого и что он любит. Он не боится поделиться с читателями строчками из своего любимого поэта Василия Федорова или упомянуть того, с кем совершил то или иное путешествие. И люди это ценят, потому что Михаил Фонов говорит с ними просто и доверительно, а это в наш «холодный» век дорогого стоит.

Сегодня Михаил Фонов – востребованный и популярный автор, признанный как читателями, так и собратьями по цеху (республиканская награда «Золотое перо России» о чем-то говорит). В чем же причина его успеха? Наверное, в следующем: Фонов любит жизнь (отсюда спокойный, позитивный тон повествования) и умеет удивляться (поэтому его тексты яркие и оригинальны). А удивляясь, он удивляет и нас. Не верите? Прочитайте и убедитесь в этом сами.

Владимир Боже
историк

Черепок из «бронзы»

У деревушки Горки, южнее райцентра Уйское, река Уй, по своему речному обыкновению, выгибает очередную петлю, внутри которой оставляет ровную, как стол, дернистую площадку. С трех сторон ее огораживает река, а густые кусты по берегу застилают от ветров и дурного глаза. Площадка как бы приглашает тут остановиться, остаться, поселиться.

У археологов есть такое допущение: если какое-то место нравится нам, людям XXI века, то очень вероятно, что оно когда-то могло приглядеться и нашим предкам, даже и далеким. Потому что в нас многое – от них. Сколько бы лет ни прошло, они такие же, как мы. Мы – люди, и они – люди. Конечно, мы теперь такие-сякие, знаем, почему гремит гром и сверкает молния, а они принимали грозу, как угрозу рассерженного небесного правителя, но корни у нас и у них – людские.

Археолог Владимир Иванович Юрин так и предположил: на этой уютной площадке в речной излучине, возможно, «притаилось» поселение первобытных людей. Доказательства? Их даст река.

Известно, что всякая река «движется» не только вдоль своего течения, но и поперек. Значит, подмывая свой высокий левый берег и, метр за метром, всю площадку, река Уй должна выявлять какие-то предметы, «припрятанные» в слое грунта. Археолог без долгих раздумий направился к берегу. И я – тоже, хотя и без всякой надежды что-то найти.

Берег Уя довольно высокий и крутой, сверху – черный слой чернозема, пронизанного корешками, ниже – желтоватая глина, тоже не без корешков. Я пригляделся – ничего, прошел

дальше, скользя по глине, – ничего, ковырнул палочкой – ничего. Так я прошел несколько метров, обшаривая глазами глинистую вертикаль. А это что? Камушек торчит? Я ковырнул – да, вроде камушек. Плоский. С легким изгибом. Я стряхнул глину – черепок. Протер его пальцем – какие-то черточки. Один край ровный, утолщенный и округленный. Понятно, это венчик горшка. Ниже венчика – линии, вроде зигзагом. И короткие черточки – когда глина была мягкой, ее продавили палочкой, вдавлена так и осталась: с одного конца тупая, а со второго – острая. Еще ниже широкие горизонтальные линии, три желобка пояском.

Однако, спросил я сам себя, что произошло сейчас? Я поднял голову кверху – рыхлые облака равнодушно висели надо мной. Им до меня дела не было. Я опустил голову – темная осенняя вода торопилась течь, будто ее гнали. Меня она знать не знала. Где я? В каком времени? Ведь что-то произошло! Я не сразу это осознал, но когда осознал, – застыл в оцепенении: только что я прикоснулся к бронзовому веку. Через четыре тысячи лет, а то и больше, в коротком замыкании встретились два времени. И два человека. Может быть, и тогда равнодушно висели рыхлые облака и так же торопилась река, а кто-то стоял на берегу. Как я...

О, Господи, как все в нашем мире устроено! Глиняный черепок, оказывается, – весточка из бронзового века. Письмо! Из рук в руки. Его можно прочесть. И кое-что узнать о далеких, умопомрачительно давно ушедших людях. Да разве мало только то и узнать, что они – были? Думали ли они, что будем мы? Что обыкновенный горшок, в котором, наверное, варили кашу или какую-нибудь похлебку, станет письмом в будущее? Этот черепок будто пролетел через тысячелетия – такой же, как был, со всеми своими линиями, крапинками и сколами. Только потемнел, впитал в себя черноту времени. Где-то здесь, в глине под черноземом, наверное, лежат остальные осколки, из которых можно склеить весь горшок...

Никто на белом свете не заметил, что 15 октября 2008 года, в 14 часов 25 минут (время зафиксировано моим фотоаппаратом), на берегу реки Уй, у деревеньки Горки, – что-то произошло. Только я знаю, что здесь случилось чудесное явление – явление человека из бронзового века человеку века XXI-го.

Может быть, мне достался черепок от горшка, вылепленного теплыми руками красавицы из бронзового века...

А вообще-то, не так это и далеко – четыре тысячи лет...

Гора по имени Карандаш

Есть у нас на Южном Урале одна река и одна гора, которые древнее самой глубокой древности. Гора называется Карандаш, а река – Изранда. О них мало кто знает даже в Кусинском районе, где они расположены. Для очень многих секрет и то, что сопка Карандаш сложена такими каменными глыбами – точнее, такой породой, название которой дала соседняя река Изранда. И совсем уж неожиданность, что на Южном Урале нет ничего древнее, чем эта порода – израндит.

Судите сами. Возраст планеты, на которой мы живем, – 4,5 миллиарда лет, а израндит чуть-чуть моложе, ему 4,2 миллиарда лет. Таких пород не только на Южном Урале, но и на всей Земле очень мало. Разве что на дне океана ученые обнаружили ровесников нашего израндита.

Неизвестно, кто и почему дал горе имя Карандаш. Может быть, потому, что израндит – темный, почти черный, вроде графита, из которого вытачивают карандашные стержни. А может быть, он почернел от времени.

До Карандаша мы добирались не иначе, как на вездеходе «Урал». Он затерялся в таежном лесу, в глухомани, в местности, о которых говорят, что это – медвежий угол. И в самом деле, когда мы поднимались на гору, где-то на середине ее высоты обнаружили медвежью лёжку. Мы не знали, куда отправился медведь после отдыха – вниз, к подножию горы, или вверх, к ее вершине. Если вверх, то мы могли встретиться с ним на узкой тропе. К счастью, мы все-таки с медведем разминулись.

С вершины Карандаша на все четыре стороны открывается зеленое море лесов. Внизу кружили птицы. Надо подняться на эту гору, чтобы представить редкую картину: на Земле не было ни деревьев, ни трав, ни птиц, ни медведей, никаких живых существ, даже бактерий, а израндит уже был. Он – свидетель всей истории человечества.

Север Востока

Наш Восток – на юге. Если с Урала взять курс прямо на юг, то на пути окажется Ашхабад, а к востоку от него – Ташкент с Бухарой и Хивой. «Спустившись» еще южнее, попадаете в Персию, «под Каспий», где пребывают Тегеран, Багдад, Дамаск.

Древние дороги вели верблюжьи караваны людей Востока строго на север – вдоль рек Амударья, Ирғиз, Урал – до хребтовых предгорий.

В середине XIX века волей случая на Урале жил странный дворянин Руф Гаврилович Игнатъев. Его биографы (М. Обыденнов, В. Боже и другие) рисуют его толстым, лысым, в неряшливой одежде, старым холостяком, который мог и даже хотел быть смешным. Позже о нем писали, что он «так и умер непонятым, неразгаданным, с кличкой шута, паяца и даже ненормального человека». Филолог и полиглот, музыкант с дипломом Парижской консерватории, Игнатъев на Урале увлекся археологией, и он был первым и наверняка единственным композитором, написавшим «археологическую» оперу, «Уфимское городище», которую поставил в Верхнеуральске, хотя мечтал и о столичной сцене.

В 1865 году Руф Гаврилович на реке Миасс у деревни Мулдакаево, известной своим золотом и своей яшмой, раскопал семь курганов. Среди находок (обломки керамики, человеческие скелеты, лошадиные черепа) Игнатъев выделил (и вслед за ним мы тоже) кости верблюда. Он предположил (и мы последуем его примеру), что верблюд мог добраться до Урала древней дорогой вдоль рек Амударья, Ирғиз, Урал – с юга, то есть с Востока.

Кроме того, Игнатьев побывал на озере Аушкуль, по своему обыкновению беседовал с местными жителями (язык он знал), которые сообщили ему, что по преданию на горе Аушкуль при одноименном озере покоятся могилы трех багдадских миссионеров, которые были посланы сюда за тысячи верст, чтобы обратить башкир в мусульманскую веру. Игнатьеву стало известно, что и современные ему мусульмане почитают святыни горы Аушкуль, что ключ на ее склоне они называют Святым...

За поворотом открылось озеро, деревенька на берегу и сразу от берега – гора. В этих местах Урал живописен по-своему. Здесь он еще не проникся хребтовой суровостью и поднебесной скалистостью. Ландшафты полого всхолмлены, обтекаемы, легко обозримы. Всего в меру – и высот, и зелени, и голубизны. Таков и Аушкуль с его плоской горизонталью озера и конусной вертикалью горы. (Не замечали ли вы, что святыне места всегда очень красивы?)

Проехав деревню и зайдя к горе «с тыла», мы поднялись по просеке и вскоре остановились у источника. На поляне среди берез, в штaketниковой ограде – беседка, рядом колодец, из которого по выложенному камнями руслу стекает чистая вода. Здесь несколько человек. Женщины набирают в бутылки воду из источника, отдыхают в тени беседки. Расстелив коврик, на коленях, воздев ладони к небу, молится седобородый мужчина. Нетрудно было догадаться, что это и есть Святой ключ.

– Да, это святой для мусульман источник, мы называем его ключом Рамазана, – подтверждает имам мечети из Петропавловки Талгат Кимбаев. – Только один месяц в году действует он. И в это время мы приезжаем сюда, чтобы помолиться Аллаху, почтить память святых людей, напиться святой воды и взять ее с собой.

Талгат рассказывает нам легенду о Рамазане аулия (святом). Издалека пришел Рамазан на Урал, чтобы проповедовать ислам. Но местные люди не поняли его и не доверились ему. Чужого человека они по обыкновению встретили враждебно. Здесь, у источника, они отрубили чужестранцу голову. Однако после казни случилось чудо, повергнувшее всех в смятение. Рамазан взял свою голову в руки и понес ее к вершине горы. И тут, откуда ни возмись, над Рамазаном закружились ангелы в белых одеждах. Пораженные увиденным, язычники поняли, что убили святого человека. С почестями своих обычаев они похоронили

Рамазана на вершине Аушкуля и стали ему поклоняться. Два его спутника также покоятся на горе.

Это событие мусульмане относят к 651 году.

С ветренной вершины Аушкуля открывается голубая плоскость озера с единственным островом, деревня Старобайрамгулово на берегу и деревенька Яльчигулово с другой стороны, ленты дорог, уходящих к горизонту. Под старой березой, в кольце желтых камней – могила Рамазана. Надмогильная плита с арабскими письменами прислонена к стволу березы. Плита посередине раскола.

Между горной страной на юге (Тянь-Шань, Памир, Гиндукуш) и Каменным Поясом на севере лежит сухая, опаленная солнцем равнина. По ней с юга на север и обратно сотни и тысячи лет кочевали пестрые племена. Пустыня разделяла два мира, две цивилизации, две культуры. Их разность подчинялась закону взаимодействия сил: она и притягивала их друг к другу, и отталкивала.

Гора Аушкуль с могилой Рамазана – может быть, и есть север Востока.

Ты откуда, Кесене?

Предполагаю, почти наверняка: очень давно, лет двести, триста, четыреста назад, кочевники, пережидая зиму где-то в низовьях Сыр-Дарьи, у Арала, вспоминали...

Они вспоминали, что далеко на севере, там, где уже чувствуется дыханье гор, в ровной степи, на которой тут и там белеют стволами деревья, среди озер...

Среди озер стоит одинокая башня, к которой ведет длинная, но знакомая дорога.

Каждый год, в конце южной зимы, с младенчества до старости, кочевники брали курс прямо на север, шли долго-долго, вдоль долготы, поднимались все выше и выше...

Они поднимались все выше и выше, туда, к той башне, чтобы у нее остановиться, перевести дыхание...

Перевести дыхание, стать на колени, сложить ладони на груди, воздеть глаза к небу, попросить у бога милости...

Несчастный завод на Уфе

Азяш-Уфимский завод Никиты Демидова... Завод несчастный, ничего не давший, кроме убытков. Судьба такая: Демидов долго строил, а Пугачев сразу сжег. И – двести лет таежного небытия и безвестия. Время медленно, но верно стирало его с лица земли. Но не стерло. Не успело.

Несколько лет назад с челябинскими археологами я ездил туда – пять часов добирались мы по бездорожью на трех ведущих осях. И первое, что увидели, – завод, заросший опятами. На его месте – лес. На плотине – огромные сосны и ели. Запомнилась прекрасная пихта с раздвоенной вершиной. А перед плотиной и за ней – болота, дебри, заросли папоротника, занавеси хмеля...

Что нам теперь Азяш-Уфимский завод Никиты Демидова? Интерес – чисто исторический?

Такого нет интереса – чисто исторического. Мы хотим знать, как жили наши предки когда-то, чтобы понять, как нам самим жить теперь. «Чистая» история, если и возможна, то вроде некоей странности, причуды. У прошлого мы учимся, потому что учиться больше не у кого. У будущего не поучишься.

«Никому не нужный» Азяш-Уфимский завод, оказывается, поучителен. Из его истории извлекается вполне односмысленная мораль.

Может быть, все началось с императора Петра в начале XVIII века, когда первые казенные заводы быстро одряхлели, не оправдав возлагавшихся на них надежд, и следовало что-то предпринять. Необходима была идея и человек, способный ее «поднять». Идея, как обычно, возникла от противоположного:

если казна не способна взбодрить свои заводы, надо отдать их частнику. А когда возник спрос на частника, он тут как тут – Никита Демидов.

В 1719 году были приняты так называемые берг-привилегии. Россия объявила Горную свободу. Власть настроилась так и сяк поощрять частную инициативу в горном деле.

И заводы стали расти, как грибы. В том числе, и прежде всего, на Урале, на башкирских землях. Пик этой индустриализации пришелся на середину XVIII века. С 1744 по 1758 год, всего за четырнадцать лет, на территории Башкирии появилось 40 заводов.

Замечательно! Россия получила свое железо. И очень дешевое. И так много, что хватало и на вывоз. Европа, даже Англия со Швецией, приняла и признала русскую марку. Полный успех! Лучшего и не пожелать. Все довольны.

Самым продуктивным для горной отрасли стал 1759 год. И как раз в этом году Никита Демидов получил разрешение строить Азяш-Уфимский завод. Казалось бы, когда еще расширять производство, как не в пору, когда оно идет в гору. Но...

Года два завод на реке Уфе строился споро, а потом работа застряла. Не хватало рабочих рук. А те крестьяне, что были, загнанные в таежную глушь, роптали, отказывались работать. К тому же вдруг выяснилось, что земля под заводом – спорная. Подумаешь, казалось бы, – спорная... Когда Демидова останавливали какие-то споры? Но на этот раз – остановили. Плюс ко всему, откуда ни возьмись, – указ, запрещающий покупать к заводам крепостных крестьян. И тут же еще один, уже лично Демидову запрещающий строить Азяш-Уфимский завод. И в каких выражениях!.. «Часто реченного дворянина Демидова к строению ... не допускать». В таких интонациях власть прежде с Демидовым не изъяснялась. Такое впечатление, что «часто реченный» Демидов всем надоел. Короче: то все позволялось, а теперь пошли запреты.

В 1770 году получил огласку проект Оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа, в котором он доказывал правительству, что 40 заводов «является достаточным и что на этом надо остановиться». Губернатор предупреждает: «Если и дальше развивать строительство заводов в Оренбургском крае, то может наступить полное истребление лесов».

К концу XVIII века наступило разочарование Демидовыми, другими заводчиками и вообще частными заводами. И Демидовы покинули Урал. Их время кончилось.

С высоты лет можно только удивляться тому, что в России не ждали Пугачева. Что его бунт был будто бы вне логики. Что якобы он не имел причин. Ведь это были, можно сказать, годы процветания. И вдруг... Никто не хотел знать, что чем лучше заводам, тем хуже крестьянам. Что заводам было так хорошо именно потому, что так плохо было крестьянам. Что прибыли хозяев были так высоки, а железо так дешево именно потому, что крестьян обрекли на нищету.

Да, крестьяне несколько десятилетий терпели нужду, бесправие и гнет. И могло показаться, что будут терпеть всегда. Но, с другой стороны, не очень много ума надо, чтобы постигнуть ту простую истину, что крестьяне были поставлены в условия, которые нельзя назвать естественными, человеческими. Что это – временно. Что только временно можно иметь успех, привязав крестьян к заводам канатами, цепями и кандалами.

Так и случилось. Сначала крестьяне роптали, потом убегали, отказывались работать. А когда объявился Пугачев, все бросились к нему.

В огне пугачевской войны дотла сгорел и новенький, с иголки, Азяш-Уфимский завод, затеянный, казалось бы, в пору подъема и процветания, а на самом деле обреченный на погибель. И он сгинул, о чем, кажется, никто не пожалел и даже не вспомнил.

Батыр Салават

После Салавата не осталось портрета, даже и словесного. Известно только, что был он невысок, черноглаз, чернобров, черноволос. В. Шишков увидел Салавата таким: «Бронзовый, скуластый, краснощекий, с горящими задором глазами, в цветном полосатом халате, на голове зеленый тюрбан».

Никто не знает, каков был Салават обличем. Но это отнюдь не облегчало задачу писателей, художников, скульпторов, не давало им свободу увидеть батыра каким угодно. Наоборот, им оставалось одно: Салават должен явить собой обоб-

Рамеевы, золотые короли

Эта фамилия – Рамеев (или Рамиев) – мне известна давно, с молодых лет. Тогда я жил в Бредах, и на слуху был разъезд Рамеевский, что к северу от Бредов.

Рамеевых было много. Очень много. Было много, а с годами – еще больше. С какого Рамеева начать?

Начну с Салима (1733–1819) и сразу же, минуя сыновей, перейду к его внуку Абдулкариму (1774–1851). А остановлюсь на сыне Абдулкарима Мухамедсадыке (1828–1892). О нем – подробнее.

Садык, собиратель приисков

Садык с 1862 года жил в деревне Юлук Орского уезда. Теперь это территория Башкирии, к западу, не так уж и далеко от «нашего» села Кизильского.

К 1869 году Садык на торговле накопил достаточно денежек, чтобы выкупить у статского советника Шипова свой первый золотой прииск – на восточных склонах Ирендыка, у деревни Ишбердиной. На золотое дело его настроил и благословил тесть Дашкин. И не зря. Угадал советом.

Садык с головой ушел в золотой промысел. Он один за другим искал, покупал, закрывал и снова покупал прииски. Их набралось уже десятка два. Какие-то он записывал на имя своей жены Ханифы Дашкиной, какие-то дарил сыновьям. В свои двенадцать лет Шакир уже имел собственный прииск.

Закир и Шакир, стихи и слитки

Садык успел подержать на своих ладонях самородки и почувствовать тяжесть золота, но еще не знал, что в золоте можно купаться. Это узнали его сыновья Шакир (1857–1912) и Закир (1859–1921), орские купцы первой гильдии.

Может быть, главное, что дал Садык сыновьям, было высокое – выше некуда – образование, европейское, с акцентом на татарское. В Европе они были своими людьми, тем более – в Турции. После смерти отца обширное золотое (и не только) хозяйство Ра-

Между прочим, железная дорога подарила Челябинску, кроме хлебного капитала, и другой, преимущественно закусочно-питейный – мясной, масляный, водочный, чайный. И особняки строились соответственно: «мясные», «масляные», «водочные», «чайные».

Позже, уже в другую эпоху, в городе появятся дома тяжелой индустрии: дом лакокрасочного завода, дом цинкового завода, дом ферросплавного завода, а тракторный и металлургический гиганты создадут свои микрогорода.

Старый элеватор – один из устоев Челябинска. Устоит ли он сам?

Главная площадь

Я стою на площади. На Южной. И на площади Революции. Сразу на двух. Хотя это одна площадь – в разные времена. На том самом месте стою (на том?), где, судя по снимку-панораме, в начале прошлого века возвышался бело-беленый цирк-шапито. Я стою у столба как раз напротив входа в цирк (не дверь, а ворота). Крыша цирка – конус, перерезанный узким «пояском», на пояске – окошко. Ниже, на скате конуса лежит окно же, но большое, будто на кровлю положили окно веранды. Но внутри, в проеме ворот, темно. Там кто-то есть, но я не различаю лиц. Меня отвлекает тарактенье телеги. На телеге мужик и два мешка. Куда гонит мужик? Я оборачиваюсь в беспокойстве, как бы лошадь не уперлась в гранит сегодняшних трибун. Однако не асфальт вокруг, а пожухлая травка кулижками, тропинки и колеи вкривь и вкось.

Челябинск долго поднимался к Южному бульвару. Только к 1875 году он рядом усадеб и тюремным замком среди них подступил к березнякам южной окраины.

1875 год? Вспомним? П. И. Чайковский пишет Первый концерт для фортепьяно с оркестром, а Эдвард Григ – музыку к драме Г. Ибсена «Пер Гюнт». Почти четверть века, как умер Н. В. Гоголь. Четыре года назад вспыхнула и сгорела Парижская Коммуна. Д. И. Менделеев только что открыл свой (и всех) периодический закон. Кудрявому мальчику Володе Ульянову – пять лет.

Двести лет Челябинск прощался со старым центром, поднимаясь от берега Миасса выше, к пустырю, где однажды заложит свой новый центр. От площади Соборной – к площади Революции.

Знал ли кто, что этот, теперь всем известный дом против площади Революции, построенный в 1938 году, начнет Большой Челябинск? Его подарили нам два московских архитектора, о которых мы мало что знаем, – П. Кухтенков и А. Максимов. Это – первый дом нового Челябинска. Того, который есть и который будет. Он – уже памятник. «Вряд ли можно представить себе что-либо другое на этом месте», – сказал скульптор Лев Головинский. Он увидел в этом здании благородство, гармонию форм и пропорций, доступность и чистоту характера.

Это здание, презрев провинциальную скромность, монументально вознеслось и раскинулось на весь квартал, подмяло под себя и домик с белыми ставнями на одном углу, и белый особняк в два этажа, и еще ряд строений, в том числе длинный деревянный дом на кирпичном полуэтаже, стоявший на другом углу. «Этот дом сразу «забрал» на себя всю площадь», – сказал архитектор Е. В. Александров. С той поры, что бы ни задумал город строить, он должен был «танцевать» от этого Первого Дома на Южном бульваре. Он, этот дом, – веха.

Сколько вех было в истории Челябинска? Паровоз – веха. Трактор – веха. Домна – веха. Начинал он, однако, с чая и хлеба. Не производя ни того, ни другого, был городом чайным и хлебным. А первой вехой был верблюд.

Конечно, площадь сама по себе всего лишь пустое место, что, впрочем, в городе тоже важно – где и сколько в нем пустоты. Но ей, пустоте, надо дать форму, обрамить. Семь зданий обрамляют площадь Революции с трех сторон, эти три ее грани выточены любовно. Кроме, пожалуй, одного здания, усеченного в борьбе с излишествами. А четвертая грань отодвинута зеленью сквера.

Хорошо бы изредка иметь полчаса свободного времени и свободной души, чтобы совершить короткое шествие или даже восхождение, поднявшись на пятнадцать метров вверх от площади до театра драмы. В полном умиротворении побродить по скверу,

повертеть головой, осматривая деревья, дать глазам отдохнуть на газонах, постоять у фонтана, перейти улицу Тимирязева, подняться к театру, откуда открывается панорама города вплоть до заводских окраин.

Это тот Челябинск, к которому я хочу причаститься, который люблю и которым горжусь. Он не опускает, а поднимает меня, он полон достоинства и достоинством наполняет меня. Нет, он не обманывает впечатлением благополучия и процветания, потому что он, эти двадцать гектаров городского центра, – не мираж, а явь. Значит, отсюда пойдут круги на весь город.

До паровоза Челябинск был славен только захолустностью и захудалостью. В. А. Жуковский черкнул: «бедный городишко». Н. М. Чернавский насчитал сто лет уездного захолустья. Д. Н. Мамин-Сибиряк увидел – грязь, вонь, навоз, собаки, мухи, тараканы, блохи, клопы. «Спать ложатся с курами. Спят – не разбудить». Газета «Голос Приуралья», уже в начале двадцатого века, вспоминала «захудалый городок, как болото, где изредка лопаются пузыри и слышится глухое урчанье». «Ели, спали, женились. Плодились, размножались и опять умирали».

Однако не сказать, что так уж плодились и размножались. В первые 150 лет (до паровоза) город набирал всего по 50 человек в год. В следующие 50 лет (до танка, до войны) ежегодная прибавка подскочила до 5000 новых жителей. Еще 50 лет после того город принимал каждый год по 15000 человек. Выйдя за пределы четырех бульваров, город рос быстро, рывками. Сначала он прирастал слободами (Пригородная, Сибирская) и поселками (Колупаевка, Шугаевка), а позже – районами. Заняв южную окраину вокруг вокзала, он принялся за восточную равнину, затем перекинулся на северные березняки и, наконец, застроил северо-запад.

Аллея сквера, та, что выходит на улицу Цвиллинга. Я остановился и в створе между кедром и елями увидел гостиницу «Южный Урал». А это кто? Я «вижу» Игоря Ильинского. Он идет к себе, домой, в свой 199-й номер, в котором жил в годы войны. Но вдруг все исчезает, и передо мной – церковь, ее купола, будто шлемы или раскрытые зонты на белых барабанах с длинными узкими окнами, и белые стены «бочек» крестового свода. Кто это

за каменной оградой монастыря в окружении послушниц? Игуменья Лидия. В миру Любовь Сергеевна Калатинская. Единственной дочери богатых родителей, судьба, казалось бы, предвещала Любе только светлые годы. Она вышла замуж за коллежского асессора Уржумцева, по любви, и была счастлива с ним. Но вдруг умирает муж, а через месяц – мать. Три года Люба ухаживала за отцом, которого сковал паралич, а когда похоронила и его, все доставшееся ей богатство пожертвовала монастырю, ему же «пожертвовала и себя». Начав послушницей, Лидия умерла игуменней в 1879 году 45 лет от роду. Похоронили ее при Одигитриевской церкви, рядом с могилой первой игуменьи Агнии. Знает ли кто, где их прах теперь...

Когда монастырь был закрыт, там разместили детский приют, который в 1932 году показывали Луи Арагону и Эльзе Триоле.

Хоть он был украшен и парадной лестницей, и четырьмя колоннами, и огромными угловыми окнами в узорах кирпичной кладки, Народный дом оставался поистине народным.

Я вижу Народный дом глазами Юрия Либединского. «На сцене все те же декорации – украинские мазанки, огромные подсолнухи. Обросший рыжеватой щетиной Васенко звонит в председательский колокольчик. В зале холодно, на нем пальто, но кепка лежит рядом». А то вдруг у колонн увижу Самуила Цвиллинга.

Колонны Народного дома – молчаливые свидетели минувших дней.

Кто бы поверил теперь, что во времена оны архитекторы мечтали снести Народный дом, чтобы на его месте построить нечто достойное новой эпохи. Новой эпохе хотелось, чтобы всё – новое, ничего – старого...

Две улицы – Сони Кривой и Тимирязева – по сути одна улица. Их почему-то разделили улицей Воровского. И скривили. Ради площади. Точнее, ради сквера – чтобы дать ему больше места. Будь они прямые, неразделенные, то пересекли бы сквер у фонтана и уперлись бы в парадную колоннаду здания, в котором располагается управление железной дороги.

Площадь Революции молода, ей всего полвека. Пройдет еще сто лет – и что? Не знаю. Была идея третьего центра – вернуть

СОДЕРЖАНИЕ

В.С. Боже. Родная старина Михаила Фомотова . . . 5

Часть 1. ОЧЕНЬ ДАВНО 7

Черепок из «бронзы»	8
Гора по имени Карандаш	10
Глаза из космоса	11
Гумбейка – река мамонтов	12
Восхождение яшмы	14
Глина – всегда и везде	16
Волны жизни	17
Верблюд из Ледникового периода	19
Звери на скале	20
Тайна речки Кисенет	21
Ты чей, Заратустра?	23
Легенда о петушиной побудке	25

Часть 2. ВОСТОЧНЫЙ КРАЙ 27

Север Востока	28
Ты откуда, Кесене?.	30
В поисках Рифея	33
Первый губернатор	34

Рычков, топография	37
Европа на Южном Урале	39
Человек императора	40
Возвращение Новой линии	43
Вечный бешбармак	45

Часть 3. В ГОРАХ И В СТЕПИ 49

Несчастный завод на Уфе	50
Батыр Салават	52
Перевоплощения французов в России	55
Об уральских декабристах	55
На гребне волны	57
Увидеть прошлое...	59
Блеск и нищета Ташкутарганки	60
Иван-художник	63
Булат	66
Кучер, шофер, летчик...	68
Рамеевы, золотые короли	71
Агаповский историограф	75
Шемаха. Плотины (реквием)	77

Часть 4. XX ВЕК 83

Рельсы прогресса	84
На магистрали	85
Император и фотограф	87
Паломники Тургояка	89
Банк в деревне	92
Кулевчи, Александр Завалишин	93
Один год Цвиллинга	96
Забытые Герои	99
Магнит Магнитки	101
Кто был никем...	103

Наша память светла	106
«Я живу не только за себя...»	110
«Катюши» в ночном городе	113
Иван и Биргер	116
Правнук лейтенанта	117
Берлин был так далеко...	119
Тайна звезды Канопус	120
Сырые полости	124
Зубр, Риль и другие	125
Человек с головой	129
Перед ядром	134
Драма по имени «Маяк»	138
Челябинск. Варна. Москва. И речка Пилица	141
Легенда «Кузькиной матери»	143

Часть 5. ВЕХИ ЧЕЛЯБИНСКА 147

Мир за горизонтом	148
Холмы Челябинска	149
Челяба. Начало начал	150
Полковник Тевкелев	153
Старые дороги	156
«Купола» над гостиницей	159
Челябинцы всех времен	160
Заимка монахинь	162
Лекарь Жуковский	164
Первый центр	166
Родственники Бейвеля	168
Водная башня	171
Бурса	172
Пламенная работа	173
Злачный угол	174
Заречье	176
Элитный магазин	178

Дом Покровского	180
Ситников лог: хутор Михайловский	181
Переселенческий пункт	185
Красное на Красной	187
Монахи	189
Алое поле	190
Хлебный банк	192
Главная площадь	194
Красная площадь	198
Площадь Павших	199
Орленок	199
Буров в Челябинске	201
Барачное время	202
Кировка	205
Индустрия	208
Об авторе	210

